

6. Шырmanoўскія чытанні. Фалькларыстычныя даследванні. Зборнік артыкулаў. Вып. 5; пад навук. рэд. Р.М.Кавалевай. – Мінск: Бестпрынт, 2008. – 287с.

### **Механізмы ўлады в педагогічным дыскурсе высшай школы: гендерны аспект**

**Е.Н. Млечко, прафесар**

Уладзь в гуманітарным веанні ХХ в. (начынаючы з творчасці Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, а в далейшым в работах М. Фуко, Ю. Хабермаса, Э. Гідденса, П. Бурд'е, Ж. Бодрыяра і др.) расматрываецца в тэрмінах абезлічэннасці, невіднасці і неасознаннасці, прызнаецца сіла яе ўплыва на аадельнага чалавека і сацыум в цэлым. Глубокаю тэарэтычаскую разрабатку даннага феномена палучылі в іслелаваннях М. Фуко. Он расматрываў уладзь как «сложную сеть взаимоотношений, множественность отношений силы»; «уладзь – это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе» [1, с. 193]. В концепции М. Фуко оказались связанными воедино уладзь и процесс производства значений. В работе «История сексуальности» философ рассмотрел проблему пола и ее артикуляцию в дискурсах, показав тесные взаимоотношения улады, веанья и гендера. Его разработки оказались востребованными тэарэтыкамі гендерных іслелаваній: изучение властных отношений позволило поновому взглянуть на процессы формирования современного гендерного порядка. Были сделаны выводы о том, что функционирование властных отношений напрямую связано с производством гендерных конструкторов (маскулинности и фемининности) и гендерных идентичностей, а также о том, что главную роль в этом процессе играют важнейшие институты социализации: семья, система образования. Несмотря на очевидную связь двух феноменов, в рамках гендерных іслелаваній в сфере образования, на взгляд автора статьи, не уделяется должного внимания проблеме улады, что позволило бы проанализировать образовательный процесс и выявить новые особенности его функционирования и степень влияния на фор-

мирование гендерных конструкторов и идентичностей, возможности и роль в процессе создания и сохранения гендерного порядка.

Цель работы – анализ властных отношений в педагогическом дискурсе вуза, что подразумевает выявление властных механизмов и особенности их реализации в прецедентных текстах дискурса. Эмпирическую базу исследования составили учебники и учебные пособия для студентов вузов по предметам социально-гуманитарного цикла: история Беларуси, основы идеологии белорусского государства, экономическая теория, политология, социология, философия, психология и педагогика [2]. При отборе изданий учитывались следующие критерии: место издания учебных пособий; наличие грифа (рекомендации); объем учебных пособий; их наличие и количество в вузовских библиотеках г. Минска. Отобранные источники отвечают заявленным критериям, поскольку наиболее полно отражают необходимые студентам знания по изучаемым дисциплинам и представлены в библиотеках в достаточном количестве. Специфика объекта и предмета исследования обусловила использование различных методов: деконструкции, контент-анализа и лингвистического анализа.

Изучение педагогического дискурса является частью общей теории дискурса. По мнению многих исследователей, наиболее полным можно считать следующее определение понятия «дискурс»: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами...; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [3, с. 136, 137]. Формирование теории дискурса исследователи связывают с возникновением и развитием структурной лингвистики, прежде всего, с работами Ф. де Соссюра. Он сделал вывод о процессе овладения языком, который неподконтролен индивиду и сводится к усвоению и воспроизведению готовых форм. В дальнейшем основной идеей становится мысль о влиянии языка на сознание и жизнедеятельность человека: язык сам обладает определенным мировоззрением и навязывает его своим носителям. Наиболее полно эту мысль выразил представитель американского языкознания Э Сепир. Он называет язык «мощным фактором социализации, может быть, самым мощным из существующих» [4, с. 231].

М. Фуко в своем понимании дискурса основывался на представлениях о нем как о совокупности текстов, речевых практик, объединенных общей темой, однако рассматривал его, безусловно, с философских позиций. Для М. Фуко дискурс является той сферой, где предстают в тесной взаимосвязи власть и производство значений; это практика, которая «систематически формирует объекты, о которых они [дискурсы] говорят» [5, с. 50]. Это позволяет утверждать, что социальное знание о мужчинах и женщинах является продуктом дискурса: “То, как сама языковая система представляет определенные точки зрения (не являясь “нейтральной”), ярко проявляется в анализе того, как представлены, воспринимаются, сохраняются и передаются в языке мужские и женские роли” [6, с. 92], поэтому гендерный порядок и гендерная идентичность также являются продуктами дискурса.

Учитывая тесную связь власти, языка и производства значений, можно утверждать, что главную роль в формировании гендерного порядка играют властные отношения. Их анализ можно осуществить путем рассмотрения определенных механизмов. Определяющим, на взгляд автора статьи, является «бинарная структуризация знания». Анализ и критика бинарных оппозиций стали возможными благодаря деконструкции (она рассматривается как расчленение (деструкция) и дальнейшая реконструкция текста) [7, с. 55]. В данном случае деконструкция понимается как разложение структуры властных отношений. Ее применение обусловлено стремлением выяснить способы противопоставления мужского и женского в культуре, что предполагает выявление в прецедентных текстах бинарных оппозиций и анализ тех аргументов, которые обеспечивают «истинность» утверждений. Современное мышление организовано вокруг основных дихотомий (качество/количество, разум / интуиция и т.д.), которые воспроизводят социальные оппозиции между группами, в частности, между доминирующими и подчиненными. Эти оппозиции работают как классифицирующие схемы, как категории восприятия и оценивания. Многие из дихотомий нейтральны, однако часть из них построена таким образом, что термины ассоциируются с позитивным и / или негативным. Явления и понятия имеют гендерную окраску – позитивный термин каждой из оппозиции атрибутируется с мужественностью, а негативный – с жен-

ственностью. В социальном и культурно-символическом аспектах пола содержатся установки, маркирующие все «мужское» позитивным и доминирующим, а «женское» – негативным и субординируемым. При этом многие, не связанные с полом, понятия отождествляются с «мужским» или «женским»: в результате создается соподчинение, иерархия внутри этих пар. Говоря о бинарных оппозициях, П. Бурдьё утверждает, что решающую роль в производстве и воспроизводстве оппозиций и организации разума играет система среднего и высшего образования. Это происходит путем классификации и иерархизации факультетов, дисциплин, преподаваемых знаний. Примерами таких оппозиций может служить противопоставление гуманитарных и естественных наук, методов (количественных и качественных, дедукции и индукции; логики и интерпретации). Оппозиции, которые отсылаются в замаскированной форме к противопоставлению «мужской/женский», Бурдьё называет «бессознательными категориями мышления», организующими «одновременно систему образования и восприятие ее индивидами» [8, с. 19].

На первом этапе анализа в текстах были выявлены бинарные оппозиции, взятые в контексте, которые в дальнейшем были разделены на две части: дихотомии, контекстуально не связанные с гендером, и гендерно маркированные оппозиции. Затем сами оппозиции и аргументы, которые обеспечивают их истинность, были подвергнуты анализу. Автор статьи приводит здесь сокращенный список оппозиций, разделенный на две группы: 1) руководители / подчиненные, старший / младший, властвующие / подвластные, победители / побежденные, позитивный / негативный, сильный / слабый, идеал / реальность, рациональный / иррациональный, активный / пассивный, интеллектуальный / физический, истина / ложь, положительный / отрицательный, субъект / объект, красота / безобразие, добро / зло, объективный / субъективный, небо / земля, теоретический / практический, рациональное / чувственное; 2) ян / инь, муж / жена, мужское начало / женское начало, мужчина / женщина, патриархат / матриархат, выше / ниже (о мужчине и женщине).

Первая группа оппозиций ни контекстуально, ни семантически с полом не соотносятся: на первый взгляд, они гендерно нейтральны. Тем не менее, они организованы по принципу «хорошо / плохо»,

что ставит один из концептов в привилегированное положение, а другой – в зависимое, например, «процесс оценивания факторов, определение их значимости...обычно происходит по схеме «польза / вред», «добро / зло», «справедливое / несправедливое», «приемлемое / неприемлемое» и т.д.». [9, с. 174]. Оппозиции «делят» общество на «богатых / бедных», «лидеров / аутсайдеров», «победителей / побежденных», «властвующих / подвластных» и т.д. Несмотря на кажущуюся гендерную нейтральность, они устанавливают иерархию и оценку, в замаскированной форме отсылают к противостоянию «мужской / женский». Именно негативному термину в оппозициях приписываются качества женского. По словам П. Бурдьё, «когда вы слышите «теоретический / практический», вы не думаете «буржуазный / народный» или «господствующий / подчиненный», вы не думаете «мужской / женский», а речь идет именно об этом» [8, с. 16].

Вторая группа оппозиций также представляет собой разделение явлений и характеристик в тексте, но уже по принципу явного противопоставления «мужское/женское». Часть оппозиций представляет собой окончательную утвержденность этого противопоставления, не требующую подтверждения и аргументации («так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая – находится в подчинении» (Аристотель) [10, с. 361]. Остальные же оппозиции в этой группе появляются в тексте в сопровождении других пар понятий, которые призваны раскрыть смысл основных дихотомий: к примеру, «разделение неба и земли, олицетворяющих мужское и женское начала» [11, с. 51]. Это противопоставление для всего «женского» всегда предусматривает «друговость», отличие от доминирующего термина в пределах бинарной оппозиции и рассматривается исследователями как отклонение от нормы (от «мужского»), как своего рода вторичность и субординированность [12, с. 5].

В отношении женского и мужского женское рассматривается как оборотная сторона культуры, лежащая в основе существующего порядка. Рассмотрение бинарных оппозиций позволяет сделать вывод о том, что противопоставление женских и мужских характеристик и тех явлений, которые с ними связаны, сформировано культурой и является результатом действия отношений власти, процесса

формирования определенных значений в языке. Это разделение навязано искусственно, так как природные и культурные факторы на самом деле имеют гораздо больше общего, чем различного и представляют собой, по сути, взаимосвязанные стороны одного явления. Бинарная структурация знания подчеркивает неравнозначность членов оппозиций: раз за разом происходит центрирование одного термина и маргинализация другого: «эти универсально применяемые схемы мышления, казалось бы, всегда фиксируют различия, вписанные в саму природу вещей (это справедливо и для различий между полами), и постоянно подтверждаются самим ходом вещей, и особенно биологическими и космическими циклами, а также согласием тех, в чьи представления они вписаны» [13, с. 294].

Бинарная структурация знания формирует основные принципы организации мышления и сознания: классификацию, иерархизацию, оценивание. Она, очевидно, является основным принципом функционирования властных отношений и производит три механизма власти: отражение опыта женщин и мужчин; андроцентризм языка; стереотипизацию. Их рассмотрение представляет собой второй этап анализа прецедентных текстов, который был основан на использовании таких методов, как качественный контент-анализ (единицы анализа выписывались в контексте, категоризовались и подвергались дальнейшему изучению) и лингвистический анализ текстов (во-первых, исследовались языковые средства, при помощи которых представлены маскулинность и фемининность; во-вторых, проводился анализ структур языка с позиций гендерного подхода). Категориями контент-анализа выступили следующие основания гендерных конструктов: публичная сфера деятельности (профессия, общественный статус); участие женщин и мужчин в интеллектуальной деятельности; приобщение или отчуждение от властных структур; ценность мужчин и женщин как представителей человеческого рода; активность женщин и мужчин, их действия (в том числе по отношению друг к другу); семейное положение; продолжение рода (материнство и отцовство); внешность; поведение. Лингвистический анализ был проведен, основываясь на работах таких теоретиков гендерной лингвистики, как А.В. Кирилина, Е.И. Горошко, В.И. Коваль, Е.А. Земская, М.А. Китайгородская и др. В качестве категорий анализа использовались признаки андроцентризма языка,

указанные в работах перечисленных исследователей. Кроме того, в процессе анализа автором были выявлены категории, которые не рассматривались в научной литературе: механизм «исключения» и патрилинейность.

Первый механизм властных отношений – отражение опыта женщин и мужчин – рассматривался на основе следующих категорий: публичная сфера деятельности (профессия, общественный статус); участие женщин и мужчин в интеллектуальной деятельности; приобщение или отчуждение их от властных структур; ценность мужчин и женщин как представителей человеческого рода; активность женщин и мужчин, их действия (в том числе по отношению друг к другу); семейное положение; продолжение рода (материнство и отцовство). Первый механизм властных отношений осуществляется путем отражения в дискурсе опыта только одной из групп и замалчивания заслуг другой. Это связано с разделением сфер общественной жизни на публичную и частную, и дальше – на профессиональную и семейную с соответствующей оценкой степени вклада женщин и мужчин в каждую из сфер, насколько он представлен в текстах педагогического дискурса. Анализ показал существенную разницу в объемах отраженного в текстах мужского и женского опыта (рассмотренные области человеческой деятельности отражают мужской опыт и мужское видение мира); в дискурсе не представлен женский опыт в публичной сфере (профессия и общественный статус), и, кроме того, женский опыт не отражен и в семейной сфере – женщина оказывается «исключенной» из нее, не имеет влияния не только в качестве жены, но и матери [14, с. 107].

Второй механизм – андроцентризм языка. Это понятие возникло в рамках гендерной лингвистики. Под андроцентризмом понимается проявление асимметрий в системе языка, направленных против женщин. Категориями анализа стали следующие признаки.

1. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Этот признак можно продемонстрировать на примерах названий профессий и рода занятий, тесно связанных с властью, деньгами и собственностью: все слова, обозначающие статус, влияние и богатство, в дискурсе имеют формы мужского рода, например, феодал,

магнат, император, король, царь, царевич, государь, князь, герцог, президент, фюрер, фараон, шах, владелец, помещик и т.д.

2. Отождествление понятий «человек» и «мужчина», которые в европейских языках обозначаются одним словом. В русском и белорусском языках они взаимосвязаны, но не равнозначны («мужчина» и «человек» (мужчина и женщина)), их отождествление происходит благодаря механизму «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола и применяет слова мужского рода всякий раз, когда речь заходит о человеке или о людях вообще, без указания принадлежности, то есть слова мужского рода употребляются неспецифицированно.

3. Механизм власти, ранее не рассматриваемый в литературе, можно назвать «исключением» женщины из числа людей, жителей и т.д.: – разделение населения на взрослых самостоятельных мужчин и несамостоятельных женщин, детей и стариков: «отчаянно сопротивлялось все население, включая женщин и детей» [15, с. 98]; «различные слои населения – пенсионеры, молодежь, дети, женщины» [16, с. 206]. Это символический «отказ в существовании» мужчинам и намеренное подчеркивание женского присутствия (в совокупности с игнорированием женщины и ее опыта, о чем было сказано ранее) обусловлен, на взгляд автора, стремлением выразить связь между группами «женщины», «старики», «дети», которая выражается в социальной незащищенности каждой из них и в необходимости женской заботы о детях и пожилых людях.

4. Одним из механизмов гендерной асимметрии языка является патрилинейность. Она проявляется, во-первых, в системе родства по отцовской линии: упоминание только отца, отцовской фамилии и отчества; во-вторых, в наследовании власти и имущества отца сыновьями и другими родственниками мужского пола.

Третий механизм властных отношений, продуцируемый бинарной структуризацией, – *стереотипизация*. В данном случае под стереотипизацией подразумевается перенесение индивидуальных негативных характеристик на гендерную группу в целом. Гендерная стереотипизация возникает в результате формирования неравнозначных статусов женских и мужских ролей в культуре: один термин в бинарных оппозициях противопоставляется другому.



Это противостояние создает иерархию, в силу чего термины наделяются различными по ценности и легитимности качествами, что позволяет патриархатному дискурсу применять стереотипные характеристики по отношению к менее “защищенному” термину оппозиций. Иерархия выражается в наличии недвусмысленных сравнений, неблагоприятных характеристик и т.д. Процесс стереотипизации может быть проанализирован на основании категорий «внешность» и «поведение».

Внешность и забота о себе в текстах практически не отражена. Изредка можно встретить характеристики внешнего вида женщины, мужская внешность в дискурсе не представлена.

Категория «поведение» была классифицирована автором как наиболее явный способ стереотипизации. Характеристики мужского поведения в текстах редки и немногословны, не поддаются анализу по причине нерепрезентативности. Женские характеристики, напротив, яркие и запоминающиеся, хотя также немногочисленны. Практически все они стереотипны. Приведем лишь некоторые из них: «нынешние нувориши демонстрируют свои «форды» и «мерседесы», услужливых телохранителей и податливых дам» [17, с. 147], «народы как женщины: с ними надо обращаться так, как они позволяют с собой обращаться» [18, с. 214] и др.

Можно сделать выводы о том, что процесс формирования гендерных моделей в текстах происходит в результате воздействия бинарной структуризации знания, которая, в свою очередь, порождает механизмы властных отношений. Отражение опыта женщин и мужчин в качестве одного из механизмов власти тесно связано с принципом разделения сфер на публичную и частную, что, в свою очередь, является прямым следствием разделения труда, который представляет собой одну из структур патриархата. Продолжением этого механизма выступает второй – андроцентризм языка. Он служит одновременно отражением неравной представленности женщин и мужчин в дискурсе (отождествление понятий «человек» и «мужчина»; предпочтение им мужских форм для определения лиц обоего пола; образование имен существительных женского рода от мужских, а не наоборот и др.) и способствует игнорированию женщин в картине мира. Стереотипизация выступает следствием двух первых механизмов: неравнозначная представленность женщин и мужчин в

дискурсе позволяет рассматривать женские и мужские роли как неравные и несводимые одна к другой. Они наделяются различными характеристиками, позволяющими определять их место и роль в культуре.

#### Использованная литература

1. Фуко, М. Воля к знанию / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. Сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – С. 97-268.

2. Отбор дисциплин был сделан на основе «Образовательный стандарт». Высшее образование I ступени. Цикл социально-гуманитарных дисциплин: РД РБ 02100.5.227 — 2006. – Печ. 2006. – IV. – Минск: Минобразования Республики Беларусь, 2006. – 26 с.

3. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136-137.

4. Сепир, Э. Язык / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – С. 223-247.

5. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. Пер.с.фр. С. Митина, Д. Стасова. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.

6. Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-125.

7. Деррида, Ж. Письмо японскому другу / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – №. 4. – С. 53-57.

8. Бурдьё, П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / П. Бурдьё // Socio-Logos'96 / Альманах Российско-Французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Scio-Logos, 1996. – С. 8-31.

9. Круглова, Г.А. Политология: учебн. пособ. для вузов / Г.А. Круглова. – Минск: Веды, 1997. – 259 с.

10. Мельник, В.А. Политология: учебник для студентов вузов / В.А. Мельник. – Минск: Вышэйшая школа, 1996. – 479 с.

11. Философия: учебное пособие / В.С. Степин [и др.], под общей ред. Я.С. Яскевич. – Минск: РИВШ, 2006. – 624 с.

12. Козлова, Н. Гендер и вхождение в модерн / Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1999. – №.5. – С.164-174.

13. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2007. – 576 с.

14. Млечка, А.М. Жаночы і мужчынскі вопыт ў педагагічным дыскурсе вышэйшай школы / А.М. Млечка // Роднае слова. – 2010. – № 1. – С. 106-108.

15. Трещенок, Я.И. История Беларуси: учебное пособие / Я.И. Трещенок. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 176 с.

16. Политология: курс лекций / В.А. Бобков [и др.]; под ред. В.А. Бобкова и И.Н. Брайма. — Минск: НКФ "Экоперспектива", 1995. – 319 с.

17. Полуян, И.В. Политология: учебное пособие / И.В. Полуян. – Минск: БГТУ, 2005. – 328 с.

18. История Беларуси: учебное пособие / Я.И. Трещенок [и др.]; под ред. Я.И. Трещенка. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – 310 с.

### **Модульно-рейтинговая система оценки качества обучения студентов в высших учебных заведениях в условиях продуктивного образовательного процесса**

**О.В. Лепеш, канд. ист. наук, доцент,  
О.Э. Рабышко, канд. ист. наук, доцент.**

Современный этап развития общества характеризуется беспрецедентным спросом на высшее образование наряду с большим осознанием его решающего значения для социально-культурного и экономического развития государства. Образование является основополагающим фактором и показателем системы развития общества. Степень генерации и использования знаний отражает способность к саморазвитию и совершенствованию. Высшее образование как фундаментальное образование лежит в основе современного информационного общества. При этом качество этого образования,